

Кузнецов Игорь Михайлович

**АДАПТАЦИОННЫЕ СТРАТЕГИИ
МИГРАНТОВ В УСЛОВИЯХ МЕГАПОЛИСА**
(на примере г. Москвы)

Специальность 23.00.02
Политические институты, этнополитическая конфликтология,
национальные и политические процессы и технологии

АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата социологических наук

Диссертация выполнена в Центре исследования межнациональных отношений
Института социологии РАН

Научный руководитель:

доктор социологических наук
Мукомель Владимир Извяич

Официальные оппоненты:

доктор социологических наук
Черныш Михаил Федорович

доктор социологических наук,
профессор
Маликова Наиля Рамазановна

Ведущая организация:

Институт этнологии и антропологии
им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН,
Центр по изучению межэтнических
отношений

Защита состоится 18 октября 2006 г. в 14 часов на заседании Диссертационного совета
Д.002.011.02 в Институте социологии РАН по адресу: ул. Кржижановского, д. 24/35, к. 5,
ауд. 323.

С диссертацией можно ознакомиться в библиотеке Института социологии РАН.

Автореферат разослан «__» сентября 2006 г.

Ученый секретарь Диссертационного совета,
кандидат философских наук

Е.Ю. Мещеркина

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Актуальность темы исследования

Миграционные процессы обрели со второй половины двадцатого столетия поистине глобальные масштабы, охватив все континенты планеты, социальные слои и группы общества, различные сферы общественной жизнедеятельности. Миграция стала одним из главных факторов социального преобразования и развития во всех регионах мира. Ее непосредственное влияние сказывается на состоянии народного хозяйства, на социальных отношениях, культуре, национальной политике и международных отношениях. В России ранее абстрактная формула «глобальные миграционные процессы», оказавшись в сфере публичного интереса 10-15 лет назад, успела обрасти рядом бытовых подробностей, «свидетельств очевидцев» и стала на сегодняшний день, с учетом последних событий во Франции и США, некоей повседневной реалией, обсуждаемой с одинаковой заинтересованностью и в служебных кабинетах, и в научных аудиториях, и на улицах.

Специфика российской ситуации состоит в том, что Россия по крайней мере последние 100 лет имевшая лишь опыт внутренних перемещений населения (между различными регионами внутри страны и между селом и городом), включившись в глобальный экономический и политический процесс, стала объектом (и в меньшей степени субъектом) постиндустриальных миграционных процессов, начавшихся в других странах в 60-х гг. прошлого столетия.

Особенностью этого процесса является уже не перемещение людей из густонаселенных и интенсивно развивающихся регионов мира в столь же интенсивно развивающиеся малонаселенные регионы, а массовые потоки жителей густонаселенных слаборазвитых стран в густонаселенные постиндустриальные общества¹, что приводит к «транснационализму», то есть формированию внутри развитых обществ иммигрантских общин, альтернативных по своему укладу жизни². В России высокие темпы прироста идокультурного (заметно отличающегося от местного) населения в крупных и средних городах центральной России порождают ряд серьезных социальных и политических проблем. Не последнее место среди них занимают интенсивный рост этнофобий, распространение этих фобий на нерусские народы-автохтоны России и не менее

¹ Massey Douglas S., Arango J., Hugo A., Koucouci A., Pellegrino A., Taylor Ed. J. *World in Motion. Understanding International Migration at the End of Millennium.* - Oxford: Clarendon Press, 1998. P. 6.

² Kivisto Peter. Theorizing transnational immigration: a critical review of current efforts // Ethnic and Racial Studies Vol. 24 No. 4 July 2001

интенсивный и катастрофический, по своим долгосрочным последствиям, рост кристаллизации русского этнического самосознания по «оборонной» модели.

В ментальном плане к этому необходимо добавить, что большая часть населения нынешней России, выросшая в традициях жесткого управления социальными процессами пока еще до конца не осознала, что перемещения больших масс людей из страны в страну, из одной культурной среды в другую, – это реалия современной жизни, сродни природной стихии. Поэтому распространенные в аналитиках СМИ, научных и научно-популярных изданиях выкладки экономического, демографического и прочего характера, подтверждающие или опровергающие необходимость приема мигрантов, рассуждения о квотах, труднодостаточных или избыточных отраслях и регионах, не выглядят в глазах общественного мнения убедительным аргументом в пользу толерантного отношения к мигрантам и их специальному образу жизни.

На наш взгляд, необходимость формирования адекватных ответов на перечисленные выше общественные вопросы, порожденные глобальными миграционными процессами, делает чрезвычайно актуальной проблему поиска научно обоснованной информации о том, при каких внутренних (идущих от мигрантов) и внешних (зависящих от принимающей стороны) условиях один и тот же поток людей, в одном случае интегрируется в принимающую среду, становится органической частью этой среды, а в другом – изолируется в социо- и/или этнокультурный анклав. Иначе говоря, проблема состоит в том, при каких условиях можно ожидать, что приток мигрантов в страну обеспечит прирост не просто неких абстрактных «трудовых ресурсов», а *населения*, разделяющего исторически сложившуюся и развивающуюся на этой основе систему ценностей и норм принимающего сообщества (что определяет в том числе и присущий этому сообществу потенциал экономического роста). Открытым остается и вопрос о том, в каком случае приток мигрантов приводит к воспроизводству и активному росту в принимающем сообществе привычной для приезжих, традиционной для них социально-культурной среды тех сообществ, откуда они прибыли.

Степень научной разработанности проблемы

Сама по себе оценка уже накопленной информации по указанной выше проблеме чрезвычайно трудна ввиду того, что миграционный процесс – это не столько оформленный научный конструкт, абстракция некоторого ряда социальных феноменов, сколько именно многогранный социальный феномен, описываемый и интерпретируемый всякий раз по-разному в рамках проблемных полей представителями практически всех гуманитарных дисциплин: экономистами, включая специалистов по экономической географии, демографами, социологами, социальными антропологами и этнологами, правоведами, историками, психологами, политологами – и это далеко не полный перечень.

Аннотированный библиографический указатель литературы по проблемам миграций, изданной только в странах СНГ в 1992-1999 гг.³, насчитывает 512 страниц. Фундаментальные обзоры теорий миграционных процессов и результатов исследований, как отечественных, так и зарубежных⁴, фиксируют свыше трех-четырех десятков концептов миграционных процессов, разработанных в социальных науках.

В первую очередь мы должны отметить работы непосредственно касающиеся темы диссертационного исследования в социально-экономическом, культурно-бытовом и социально-психологическом аспектах: (Ю.В. Арутюнян, А.В. Дмитриев, Ж.А. Зайончковская, Ф. Знанецкий, А.В. Вишневский, Г.С. Витковская, В.В. Гриценко, Н.П. Космарская, Н.М. Лебедева, Л.И. Леденева, Л.В. Макарова, Т.Ф. Маслова, Г.Ф. Морозова, Е.А. Назарова, В.И. Переведенцев, В.Н. Петров, Л.Л. Рыбаковский, Г.У. Солдатова, Н.В. Тарасова, У. Томас, Е.В. Тюрюканова, Б.С. Хорев, В.Н. Чапек, Е.И. Филиппова и др.).

Специфические особенности самоорганизации мигрантов в зависимости от условий принимающей среды описаны и проанализированы в исследованиях, посвященных проблемам сегментации рынков, этностратификации, мигрантских сетей и формирования этнических анклавов (Г. Беккер, О. Бредникова, О.И. Вендиня, В.М. Воронков, Р.Р. Галлямов, Г.В. Градосельская, М. Пиоре, Г.А. Пыдухов, В.В. Радаев).

Особенно ценную для нас информацию содержат исследования, в которых предпринята попытка рассмотреть акт миграции системно – от анализа ситуации в месте выхода мигрантов до вариаций их обустройства и оценки самочувствия в принимающей среде (В. Мошнята, С. Олимова, Н. Челидзе).

Важную роль в понимании механизмов обустройства мигрантов на новом месте, их восприятия ситуации играют работы по теории и практике аккультурации и мультикультурализма (С. Бенхабиб, Дж. Берри, В.М. Воронков, Э. Геллер, Н. Глейзер, Т. Гурр, У. Кимлика, Дж. Комарофф, Ю.А. Красин, А. Куропятник, Н.М. Лебедева, В.С. Малахов, А.Г. Осипов, Б. Парех, А. Сен, Дж. Тулли, Ч. Тэйлор, М. Уоллер, А. Янг и др.).

Многие аспекты проблемы самоорганизации мигрантов в принимающем сообществе нашли свое отражение в исследованиях, посвященных более широкой проблематике адаптативных социальных стратегий как в целом (З.Т. Голенкова, П.М. Козырева, Н.Е. Тихонова, О.П. Фадеева, О.В. Шарнина, С.А. Эфиров и др.), так и в отдельных сферах

³ Миграции в трансформирующемся обществе. Аннотированный библиографический указатель литературы, изданной в странах СНГ 1992-1999 гг. М.: Комплект-Пресс. 2000.

⁴ Massey Douglas S. et al. Op. cit. ; Migration Theory (talking across disciplines) / Edited by Caroline B. Brettell and James F. Hollifield. - N.Y., London, 2000; Молодикова И.Н. Миграционные знания в системе наук // Миграция населения в контексте социальных наук: Сборник программ учебных курсов по миграции / Под ред. И.Н. Молодиковой. - Смоленск: Маджента, 2005; Ионцев В.А. Международная миграция населения: теория и история изучения. - М.: Диалог-МГУ, 1999.

социального и экономического взаимодействия (А.А. Возьмитель, В.Е. Гимпельсон, А.С. Готлиб, В.И. Ильин, З.И. Калугина, Э.В. Клопов, Л.Я. Косалс, В.С. Магун, В.А. Мансуров, В.В. Радаев, Е.Н. Сметанин, С.В. Сурков, О.И. Шкарата, И.Е. Штейнберг, Л.А. Хахулина и др.).

В широком системном контексте социально-культурные и социально-политические последствия глобальных миграционных процессов рассмотрены в трудах, посвященных трансформации социальных институтов и модернизации социальной структуры (Ш. Айзенштадт, Дж. Александр, Ю.В. Арутюнян, А.С. Ахиезер, Л.А. Беляева, П. Бурдье, В.Я. Гельман, З.Т. Голенкова, Л.А. Гордон, И.Е. Дискин, Т.И. Заславская, М. Кастьельс, Ю.А. Левада, Д. Норт, А.С. Панарин, П. Тамаш, Н.Е. Тихонова, В.Г. Федотова, С. Хантингтон, М.Ф. Черныш, М.А. Шабанова, П. Штомпка, Д. Эппер, В.А. Ядов, и др.); а также в исследованиях динамики систем ценностей (М.К. Горшков, Г.Г. Дилигенский, Б.В. Дубин, А.Г. Здравомыслов, Ю.Н. Козырев, Н.И. Лапин, В.С. Магун, С.Я. Матвеева и др.).

Существенные изменения в общественном сознании, связанные с расширением потоков инокультурных мигрантов, проанализированы в работах, посвященных изучению динамики изменения структур социальных идентичностей и этнического самосознания в современных обществах, процессам реконструкции этничности и региональной глобализации (Б. Андерсон, С.А. Арутюнов, Ю.В. Арутюнян, Ф. Барт, П. Бергер, Р. Брубакер, Э. Геллер, М.Н. Губогло, Л.Д. Гудков, Г.С. Денисова, Л.М. Дробижева, Т. Лукман, Н.Р. Маликова, Г.У. Солдатова, А.А. Сусоколов, В.А. Шнирельман, С.В. Чешко, Э. Хобсбаум и др.) и связанных с этим исследований современных этнополитических процессов (В.А. Авксентьев, В.В. Амелин, А.С. Ахиезер, Э.А. Баграмов, Г. Гартунг, А.В. Дмитриев, А.Г. Здравомыслов, В.Ю. Зорин, В.Н. Иванов, К.В. Калинина, В.Н. Лысенко, Н.Р. Маликова, Н.П. Медведев, В.А. Михайлов, Н.С. Мухаметшина, Э.Н. Ожиганов, Э.А. Паин, А.А. Попов, М.В. Савва, Е.И. Степанов, В.А. Тишков, Л.В. Хоперская, В. Червяков, В.Д. Шапиро, Ф.Э. Шереги, А.А. Чичановский и др.).

Важные выводы о мигрантах как особой группе современного общества следуют из опыта изучения мигрантов как составной части этнических диаспор (М.А. Аствацатурова, В.И. Дятлов, В.Д. Попков, У. Сафран, Х. Тололян, В.Д. Шапиро, Г. Шеффер, Э. Шик и др.).

Изучение посылок и выводов, содержащихся в ряде указанных работ, привели нас к необходимости поставить проблему специфики современного феномена миграций уже не как *одного из возможных вариантов решения каких-то социально-экономических общественных или личностных проблем*, а как в определенной степени институализированной в условиях глобализации социальной деятельности, которая оказывается адаптивной для реализации определенного набора биографических проектов.

Указанная специфика не всегда отчетливо видна при изучении миграционных потоков, как однозначно функциональных или нет с точки зрения возникающих экономических, демографических, этнополитических и других проблем.

С изложенных выше позиций оценка научной разработанности обозначенной диссертационной темы и проблематики видится в том, что в литературе описаны как самостоятельные и не связанные между собой феномены:

- способы самоорганизации и адаптации мигрантов в принимающей среде; личные мотивы и социальные факторы обуславливающие включение людей в миграционные потоки;
- правовые, социокультурные и информационные параметры принимающих обществ, влияющие на динамику социальной карьеры и адаптации мигрантов;
- основные характеристики и типы миграционных потоков.

Проблема состоит в том, что теоретически пока слабо обоснованы и экспериментально не уточнены связи между определенными способами адаптации и самоорганизации мигрантов, механизмами включения в тот или иной сегмент миграционных потоков и параметрами принимающей среды.

В настоящем диссертационном исследовании эта проблема ограничена поиском и обоснованием связей между теми или иными стратегиями адаптации иноэтнических трудовых мигрантов и их жизненными планами в контексте современного мегаполиса.

Объектом исследования является одна из наиболее негативно оцениваемых общественным мнением групп иноэтнических мигрантов – азербайджанцы – в Москве.

Предметом исследования являются социокультурные факторы выбора альтернативных стратегий адаптации мигрантами в мегаполисе.

Цель исследования – выявление и комплексный анализ социальных и социально-психологических характеристик мигрантских групп и принимающей городской среды, определяющих различия в направлениях приспособления мигрантов, в частности, тенденцию самоорганизации мигрантов в этнокультурные и этнорегиональные анклавы.

Для достижения поставленной цели решались следующие задачи:

- анализ теоретических подходов к определению специфики процесса социальной адаптации и исследованию проблем адаптации мигрантов в различных социокультурных контекстах;
- формулировка на этой основе теоретической модели, описывающей внутреннюю логику и факторы альтернативных форм приспособительного и адаптивного поведения мигрантов;

- операциональное определение концептов сформулированной теоретической модели как индикаторов интеграции или анклавизации и разработка на этой основе инструментария для эмпирической проверки гипотез исследования;

- анализ полученных эмпирических данных и уточнение модели процесса адаптации мигрантов в зависимости от характеристик миграционного потока.

Взаимосвязанные гипотезы исследования состоят в следующем:

- стратегия приспособления мигрантов к среде принимающего общества определяется тем, какой личностный смысл приобретает миграционная деятельность в биографическом проекте мигрантов;

- определенная стратегия корректируется наличными условиями и характеристиками принимающей среды, в частности рельефностью (системностью) или размытостью (мозаичностью) культурных стандартов принимающей среды на уровне повседневных практик;

- и интегративные, и анклавационные стратегии мигрантов являются одинаково адаптивными в том смысле, что направлены на поддержание динамического равновесия между базовыми социальными и социально-психологическими диспозициями самих мигрантов и социальными экспектациями принимающей среды.

Теоретико-методологические основы исследования:

В своей работе автор опирался на принципы логики и методологии системного исследования сформулированные в трудах Л. Берталанфи, А. В. Ралопорта, В.Н. Садовского, Г.П. Щедровицкого, Э.Г. Юдина; на разработки в области методологии социологического исследования (Г.С. Батыгин, И.Ф. Девятко, В.А. Ядов); методические идеи формирования и анализа эмпирической информации, изложенные в работах Е.Ю. Мещеркиной, В.В. Семеновой, Г.Г. Татаровой, Ю.Н. Толстовой, В.А. Ядова и др.

В работе активно использовались подходы и модели социальной реальности, развитые в трудах П. Бергера, П. Бурдье, М. Вебера, Э. И. Гофмана, Дюргейма, Т. Лукмана, К. Манхайма, К. Маркса, П. Штомпки, А. Шютца.

На формирование представлений о миграционных процессах в современном мире, изложенных в тексте диссертации, существенное влияние оказали концепция инвариантных функций миграции (Т.М. Заславская), теоретическая схема трехстадийной миграции (Л.Л. Рыбаковский), концепция взаимозамещаемости различных форм миграционной подвижности (Б.С. Хорев, В.М. Моисеенко), концепция факторов «притяжения-выталкивания» (Э. Ли), теория неоклассической экономики миграции (М. Тодаро), теория человеческого капитала (Л. Съястад), новая экономическая теория трудовой миграции (О. Старк), теории общественного капитала и кумулятивной причинности (Д. Массей), теории

«глобального города» (И. Валлерстайн) и «мировых систем» (С. Сассен), идеи формирования миграционной политики с учетом социокультурных особенностей как миграционных потоков, так и принимающей среды (В.И. Мукомель).

При выработке представлений о социальной и социально-психологической специфике адаптивного поведения автор опирался на теоретические подходы и выводы эмпирических исследований, изложенные в работах В. Анутина, В.В. Гриценко, Л. Корель, В. Петрошевского, Н. Степанова, А. Сухарева и др.

Существенное влияние на формирование концепции адаптивной самоорганизации мигрантов оказали теории аккультурации (Дж. Берри) и культурных границ (Ф. Барт).

Методика работы включает: анализ статистических данных Федеральной службы государственной статистики, вторичный анализ данных социологических обследований мигрантов Москвы, проведение социологических обследований мигрантов (социологические опросы, экспертные интервью, фокус-группы); контент-анализ печатных и электронных СМИ, анализ литературных источников.

Эмпирической базой исследования являются результаты следующих социологических исследований, проведенных с использованием концептуальных подходов и инструментария, разработанных автором и/или при участии автора:

- обследование толерантности/интолерантности россиян к иноэтничным мигрантам (мониторинг общественного мнения России Аналитического центра Юрия Левады, июль 2005 г., репрезентативная выборка по России 2100 человек, блок из 45 вопросов);
- исследование ориентаций на адаптацию и интеграцию, сетевых связей и иноэтничных мигрантов на примере азербайджанских и таджикских мигрантов (рук. В.И. Мукомель, 2005 г., азербайджанцы - Москва, Астрахань, Самара, 482 анкеты, случайная выборка, 6 фокус-групп) (таджики - Астрахань, Самара, 199 анкет, случайная выборка; 2 фокус-группы), 14 глубинных интервью с экспертами;
- изучение сетевых связей и адаптационных потребностей азербайджанского этнокультурного анклава в г. Москве (рук. В.И. Мукомель, 2004 г., 200 анкет, выборка случайная, 2 фокус-группы, 10 глубинных интервью с экспертами, контент-анализ прессы);
- в работе также использованы результаты социально-психологических экспериментов, направленных на выявление механизмов формирования образа мигранта в информационной среде Москвы, выполненные студентами-дипломниками МГППУ под руководством автора (2005 г), а также полевые материалы, собранные автором при исследовании процессов адаптации переселенцев из Средней Азии и Казахстана в Нечерноземную зону РСФСР (1984-85 гг.).

Научная новизна исследования:

- уточнено понятие социальной адаптации как деятельности, направленной на поддержание динамического равновесия между базовыми внутренними диспозициями субъекта деятельности и экспекстациями социальной среды этой деятельности;
- пересмотрено и экспериментально обосновано значение историко-культурной определенности, рельефности локальной принимающей среды для активизации интеграционных или анклавных сценариев адаптации;
- эмпирически выявлена и проанализирована динамика структурных особенностей социальной идентичности мигрантов в зависимости от вариаций их биографических проектов и социокультурных параметров принимающей среды.

Положения, выносимые на защиту:

1. Адекватное понимание путей и способов адаптации мигрантов к принимающей среде возможно в рамках концепции, учитывающей качественную специфику этого феномена. С одной стороны, это учет ориентаций части мигрантов на признание приоритетности социальных и культурных ценностей принимающей среды по сравнению со средой исхода и, таким образом, стремление к интеграции (аккультурации) с принимающей средой. С другой стороны, учет диспозиций части мигрантов видеть принимающую среду как преимущественно экономический и технологический ресурс, подлежащий освоению, при признании приоритетности собственных (исходных) социально-культурных стандартов.

2. Альтернативы адаптации мигрантов состоят в стремлении либо переменить «исходные» социально-культурные стандарты жизни, либо расширить ресурсную базу реализации и воспроизводства собственных, «исходных», традиционных социально-культурных стандартов за счет использования экономического и технологического потенциала, накопленного в социально-культурной среде принимающей стороны.

3. Особенность интеграционного сценария адаптации состоит в том, что мигранты, ориентированные на опережающую модернизацию осознанно выбирают в качестве предпочтительных ценности и стандарты жизни мегаполиса и готовы соответствующим образом менять свои традиционные житейские навыки.

4. Особенность анклавного сценария адаптации состоит в том, что мигранты, ориентированные на технологическую модернизацию традиции рассматривают принимающую среду преимущественно как социально-экономический ресурс более комфортного существования в рамках своей культурной традиции.

5. В мегаполисе высокий интеграционный потенциал, имеющийся у мигрантов, ориентированных на постоянное жительство, начинает активно реализовываться в том случае, если они воспринимают принимающую среду как отчетливую, вполне определенную

социально-культурную целостность, исторически сложившуюся на базе русской культуры. И наоборот, видение ее как размытого в социальном и культурном отношении мегаполиса, как неопределенной этнокультурной мозаики, как сугубо гражданского объединения автономных индивидов – запускает процесс анклавизации, то есть процесс воспроизведения своей традиционной (зачастую сельской) жизненной среды внутри мегаполиса. В этом смысле, можно говорить о внешнем давлении среды (выражающемся в ее определенности, в том числе этнической, и целостности) как о позитивном факторе формирования гражданской идентичности у всех этнических групп москвичей, включая русских.

6. Имеющийся у временных трудовых мигрантов потенциал анклавизации провоцирует создание "буферной среды", воспроизводящей социальные системы самоорганизации традиционной для них культурной среды. Это наиболее характерно для тех этнических мигрантов, традиции, культура, сложившиеся нормы поведения которых существенно отличаются от бытующих у местного населения.

7. Проблематичность появления таких «буферных» сред в том, что они имеет тенденцию превратиться в устойчивую, преемственную и саморазвивающуюся, теневую, достаточно сильно коррумпированную социальную систему с соответствующей обслуживающей инфраструктурой, включающей, помимо мигрантов и местных жителей, и официальных лиц разного уровня (независимо от этнической принадлежности), с вероятной последующей привязкой расселения мигрантов к определенным территориям принимающего сообщества, т.е. в некоторый конфликтогенный многонациональный, но традиционалистский по своей ценностной семантике анклав модернизированной (или модернизирующейся) городской среды.

Апробация положений диссертационного исследования

Результаты проведенных исследований были представлены в публикациях (см. список опубликованных статей), а также в виде докладов, подготовленных для Первого Всероссийского социологического конгресса «Общество и социология: новые реалии и новые идеи» (Санкт-Петербург, сентябрь 2000 г.), международной конференции «Миграция: социальные и межкультурные аспекты устойчивого развития» (Москва, март 2004), международной конференции «Формирование межэтнической толерантности в российском обществе» (Москва, октябрь 2004 г.), для круглого стола «Проблемы информационного сопровождения деятельности органов внутренних дел в средствах массовой информации в период реформирования МВД России (социологический аспект)» (Москва, ноябрь 2004 г.), организованном ИС РАН совместно с отделом по изучению общественного мнения УИРОС МВД России, на Международном семинаре исследователей «Мониторинг миграционных процессов в регионах России и странах СНГ» (Голицыно, март 2006 г.).

Диссертационный материал использован в преподавательской деятельности автора при чтении спецкурсов по этносоциологии в ГУГН (Государственном университете гуманитарных наук) и Центре социологического образования ИС РАН, на Факультете социальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, в лекциях и семинарах на Факультете социологии Высшей школы экономики и в Центре социологического образования при РУДН.

Положения диссертационного исследования прошли практическую апробацию и уточнялись в рамках научно-исследовательской работы и подготовке практических рекомендаций по отдельным проектам в ходе реализации программ Правительства Москвы «Московской городской программы регулирования миграции на 2003-2004» и «Москва многонациональная: формирование гражданской солидарности, культуры мира и согласия (2005-2007 гг.)».

Практическая значимость

Результаты исследования позволяют:

- уточнить концептуальные подходы к исследованию проблемы социальной адаптации мигрантов в крупных городах;
- более фокусированно разрабатывать практические рекомендации и управленческие решения по регулированию миграционной ситуации в городах и обустройству мигрантов в соответствии с их интеграционным потенциалом;
- сформулировать новые подходы к практическому решению проблемы взаимоотношений между постоянным населением городов и иноэтническими группами мигрантов.

Структура диссертации. Работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка использованной литературы, приложений.

Основное содержание работы

Во «Введении» дается общая характеристика работы, обоснование ее актуальности и новизны, сформулированы основные исследовательские вопросы, цели, задачи, определен предмет исследования. Рассматриваются также методы исследования, и обосновывается теоретико-методологический подход к анализу собранных эмпирических данных. Также анализируется степень разработанности темы в западной и отечественной литературе, раскрывается научно-практическая значимость работы.

В Главе I «Теоретические подходы к изучению мигрантов в контексте социальной адаптации» анализируются представления о мигрантах и миграционных процессах, имеющиеся в дисциплинах, изучающих миграционную проблематику.

Результаты теоретического рассмотрения миграций в ряде дисциплинарных контекстов зафиксированы в имплицитно или эксплицитно сформулированных дисциплинарных образах мигранта, содержание которых отражает специфику мигранта как субъекта индустриализации, глобализации (глобализации) и урбанизации в отличие от других субъектов изучаемых процессов.

В § 1 первой главы *«Теоретические подходы к изучению миграций»*, опираясь на работы, обобщающие опыт исследования миграций в рамках различных направлений и концепций⁵, делается вывод, что собственно социологический ракурс в теоретическом моделировании миграций появляется в концепциях, рассматривавших миграции как самостоятельный полифункциональный феномен. В этом смысле пионерскими являются работы М. Вебера и Е. Равенштейна. Идеи последнего в дальнейшем были развиты в концепции Э. Ли в терминах факторов выталкивания, связанных с территорией выбытия и факторов притяжения на территории вселения, а также характеристик самих миграционных потоков и ситуативных факторов, корректирующих миграционные потоки⁶.

В целом можно утверждать, разумеется, в рамках нашего узко специализированного интереса к теоретическому освоению феномена миграций, что динамика теоретических ракурсов рассмотрения мигрантов соответствовала динамике социальных проблем, связанных с феноменом миграции. Латентно закладываемая в научных концепциях вплоть до 1980 гг. логика подхода к мигрантам была заведомо европоцентристской: рациональным и естественным считалось то, что каждый мигрант стремиться стать европейцем.

Эта теоретическая диспозиция хорошо прослеживается в работах, написанных в рамках популярной *теории неоклассической экономики миграции*, базирующейся на предположении о *рациональности* поведения индивида, использующего территориальные диспропорции на рынке труда и эмигрирующего для повышения доходов (Дж. Харрис, М. Тодоро, О. Старк и др.).

С точки зрения качества латентно формулируемого образа мигранта исследования на макроуровне принципиально не отличаются от исследований микроуровня, т.е., более детализированного учета и группировки характеристик самих мигрантов, участвующих в тех или иных потоках.

⁵ Ионцев В. А. Международная миграция населения: теория и история изучения. - М., 1999; Юдина Т. Н. Социология миграции: к формированию нового научного направления. М. 2003; Молодикова И.Н. Миграционные знания в системе наук // Миграция населения в контексте социальных наук: Сборник программ учебных курсов по миграции / Под ред. И.Н. Молодиковой. 2005; Мукомель В.И. Социокультурные факторы миграционной политики постсоветской России. Автореферат..М., 2006.

⁶ Lee Everett S. A Theory of Migration // Demography, 1966, vol. 3, N 1, p.47-57.

К концу ХХ в , по мере того, как социально-экономические проблемы развитых стран, решаемые с помощью миграций стали все более заметно дополняться социальными проблемами, порождаемыми увеличивающейся массой мигрантов начала вызывать сомнения «рациональность» их экономического поведения. Мигранты, как оказалось, не всегда стремились стать полноценными европейцами *в рамках предназначенного для них места в социальном пространстве*. Как отмечено в одном из критическом обобщающих исследований, «теоретические работы этого периода скорее трактовали потенциальные, нежели реальные миграционные потоки⁷.

В более позднее время подавляющую и наиболее проблемную часть миграционных потоков составили представители развивающихся стран. Применительно к ним, широкое распространение получили исследования в рамках теории *новой экономики миграции* (Д. Левари, О. Старк, Г. Хьюго и др.). Миграция рассматривается этой теорией как специфическая стратегия выживания в «третьем мире». В отличие от *теории неоклассической экономики*, предполагающей эмиграцию на постоянной основе, *новая экономическая теория миграции* исходит из того, что рационально действующий субъект преодолевает институциональные недостатки в своей стране путем временной работы за ее пределами. В этом подходе фиксируется относительно новая характеристика как миграционных потоков, так и самих мигрантов: потоки уже не представляются как исключительно переселенческие, а сами мигранты – как стремящиеся интегрироваться в «цивилизованное» общество с его системой ценностей.

Фиксируются и новые характеристики принимающих сообществ. Так, согласно *теории сегментированного рынка труда* (М. Пиор, О. Старк, Э. Тейлор,), в развитых экономиках имеет место раздвоение рынков рабочей силы. В первичном секторе, обеспечивающем стабильную, хорошо оплачиваемую работу, заняты, преимущественно, граждане данного государства. Вторичный сектор, демонстрирующий слабую стабильность и небольшие возможности вертикальной мобильности, где нужны неквалифицированные работники с низкими заработками, не является привлекательным для национальной рабочей силы и формирует постоянный спрос на рабочих-мигрантов. *Наряду с секторами первичного и вторичного труда, формирующими устойчивый спрос на рабочую силу определенной квалификации, создается третий, аномальный мигрантский рынок труда, где иммигранты работают на своих соотечественников⁸.*

⁷ Massey Douglas S., Arango J., Hugo A., Koucouci A., Pellegrino A., Taylor Ed. J. *World in Motion. Understanding International Migration at the End of Millennium.* - Oxford: Clarendon Press, 1998, p.14.

⁸ Piore Michael J. *Birds of passage. Migrant labor and industrial societies.* - Cambridge: Cambridge University Press, 1979, p.229.

В § 2 первой главы «*Опыт исследования этнических анклавов*» анализируются работы, которые в принципе можно отнести к комплексу исследований миграционных процессов, но имеющие и самостоятельное значение.

Проблематика этнического предпринимательства и этнических анклавов частично изучена и описана во многих работах современных зарубежных исследователей⁹. В параграфе рассматриваются несколько классификаций теоретических подходов к анализу этого феномена. В целом, изучение этнических анклавов – территориально оформленных или сетевых – тесно переплетено с изучением этнического предпринимательства. Более того, именно этнический бизнес, а не социально-культурные особенности и факторы формирования, являются основной причиной внимания исследователей к этническим анклавам.

Е. Боначич¹⁰ и Р. Уолдингер¹¹ выделили три основных подхода к изучению социальных факторов, подталкивающих мигрантов к развитию бизнеса, используя социально-экономический потенциал этнических сетей:

- 1) культурный подход,
- 2) структурный подход,
- 3) ситуационный подход.

В свете нашего исследования заслуживают внимания также отдельные работы, посвященные различным стратегиям расселения мигрантов в современной городской среде. Наиболее интересными нам представляются работы Ceri Peach¹², в которых описаны модели расселения мигрантов. Этот исследователь указывает на пять основных моделей расселения.

Среди основных причин привязанности определенных групп мигрантов к данному месту проживания исследователи выделили две, наиболее часто встречающиеся в ответах респондентов: а) желание жить поближе к месту этнического сервиса; б) желание пользоваться привычными продуктами.

⁹ Granovetter, M. (1985) 'Economic Action and Social Structure: the Problem of Embeddedness,' *American Journal of Sociology*, 91: 481-510; Janet W. Salaff, Arent Greve, Siu-Lun Wong, Lynn Xu Li Ping, *Ethnic entrepreneurship, social networks and the enclave / Chapter 4*, pp.: 61-82 in *Approaching Transnationalism: Transnational Societies, Multicultural Contacts, and Imaginings of Home*, Kluwer Academic Publishers, Boston, 2003; Light, I., Karageorgis, S. *The Ethnic Economy* / N. Smelser and R. Swedberg (eds.) *The handbook of Economic Sociology*. Princeton University Press, 1994; Waldinger, R. (1986) *Immigrant enterprise. A critique and reformulation // Theory and Society*. N.15.

¹⁰ Bonacich, E. (1980). *Middleman Minorities and Advanced Capitalism // Ethnic Groups*, N.2.

¹¹ Waldinger, R., Ward, R., and Aldrich, H. (1985). *Trend Report: Ethnic Business and Occupational Mobility in Advanced Societies. Sociology*, 19/4, November.

¹² Peach, Ceri (1998). Loic Wacquant's. Three Pernicious Premises in the Study of the American Ghetto // *International Journal of Urban and Regional Research*, 22, 3, 507-10.

Относительно роли языка принимающей стороны было проведено исследование склонности к использованию английского языка мигрантами из Мексики в США¹³, показавшее, что мигранты с плохим знанием английского языка предпочитают мигрировать в крупные мексиканские анклавы. Было выявлено также, что пропорционально увеличению размера анклава у мигрантов происходит снижение потребности в овладении английским языком.

В исследованиях отмечается прямая зависимость между количеством населения этнического анклава и уровнем его сегрегации¹⁴. Указывается, в частности, что доля в 10% иноэтнических мигрантов от общей численности поселения является некой пороговой цифрой, при достижении которой анклав превращается в замкнутую этническую структуру, препятствующую интеграции этнических меньшинств и местного населения.

В данном параграфе рассматриваются также весьма немногочисленные отечественные исследования вероятных тенденций формирования и функционирования анклавов в российских городах (В. Попков, О. Вендина).

В § 3 первой главы «*Мигранты в контексте теории социальной адаптации*» рассматриваются различные подходы к рассмотрению того, что считается адаптивным поведением, как моделируется процесс адаптации в концепциях, исследующих процесс адаптации мигрантов к новым социальным, культурным и политическим условиям.

На сегодняшний день не существует единой теории адаптации, хотя отдельные элементы ее разрабатывались как зарубежными, так и отечественными исследователями. В социологии понятие адаптации трактовалось по-разному в зависимости от методологического подхода. Практически в русле каждой социологической парадигмы имелось свое представление об этом явлении и его роли в обществе.

В то же время, необходимо отметить появление таких фундаментальных работ по теории социальной адаптации, как "Социология адаптации" Л.В. Корель¹⁵, в которой предпринята попытка создать интегральную теорию социальной адаптации; исследования по изучению взаимосвязи самоидентификации и адаптации личности¹⁶, изменению ценностных ориентаций в процессе адаптации и т.д.

¹³ Bauer, Thomas, Gil S. Epstein and Ira N. Gang (2002), *Enclaves, Language and the Location Choice of Migrants*. <http://www.iza.org>.

¹⁴ Logan John R. (2001). A report by the Lewis Mumford Center for Comparative Urban and Regional Research, see <http://www.albany.edu/mumford/census>.

¹⁵ Корель Л.В. Социология адаптаций. Вопросы теории, методологии, методики. Новосибирск. 2005.

¹⁶ Например, см.: Данилова Е.Н. Идентификационные стратегии: Российский выбор // Социол. исслед. - 1995. - №6. - С. 120-130; Дудченко О.Н., Мытиль А.В. Социальная идентификация и адаптация личности // Социол. исслед. - 1995. - №6. - С. 110-119.

Во всем многообразии концептуализаций адаптивной деятельности в социологии можно выделить два контекста – «нормативный» и «интерпретативный». В рамках структурно-функциональной парадигмы в социологии преобладает нормативный контекст. Суть его состоит в том, что процесс адаптации описывается как процесс установления соответствия между характеристиками индивида (или группы) и «объективными» нормами среды, в которую они попадают, причем нормы среды представляются в виде относительно постоянной величины, и они же являются мерилом оценки успешности-неуспешности адаптации. При таком понимании личность – всего лишь пассивный объект адаптирующего воздействия социальной среды.

Основы интерпретативного анализа процесса адаптации заложены в «понимающей социологии» М. Вебера и «философии жизни» В. Дильтея, развиты далее в «символическом интеракционизме» Дж. Г. Мида и Г. Блумера и обретают законченный вид в трудах таких социологов и философов феноменологической и герменевтической ориентации, как Э. Гуссерль и Г.-Г. Гадамер, И. Гофман и А. Шюц, П. Бергер и Т. Лукман, Л. Витгенштейн и П. Рикёр. В интерпретативном контексте субъект адаптации (адаптант) прежде всего фиксирует собственную идентичность, то есть ту определенность, ради которой собственно и предпринимается включение в новую среду. Далее в соответствии с внутренними диспозициями происходит интерпретация этой новой среды и, наконец, на основе этой интерпретации вырабатываются стратегии или сценарии адаптации к новой среде, позволяющие поддерживать идентичность, то есть тождественность самому себе.

В итоге, под адаптацией мы понимаем, в отличие от простого приспособления, процесс поддержания динамического равновесия между существенными внутренними диспозициями субъекта адаптации и требованиями новой среды его деятельности.

Из работ, посвященных изучению процесса адаптации мигрантов в новых условиях наиболее близко к сформулированному выше пониманию адаптации подходят исследования, сделанные в рамках теории аккультурации Дж. Берри. Согласно данной теории, аккультурация представляет собой сложный и далеко не бесконфликтный процесс межкультурного взаимодействия. Взаимодействие выделенных Дж. Берри двух факторов – поддержания собственной культуры и участия в межкультурных контактах – определяет четыре основные стратегии аккультурации (или адаптации): ассимиляцию, сепарацию, маргинализацию, интеграцию.

Модель Дж. Берри универсальна в том плане, что она описывает внешние характеристики широко распространенных и формально-логически обоснованных стратегий поведения индивидов и групп в новом социальном окружении (социальном, политическом, культурном и т.д.), никак не определяя внутренний смысл и внутреннюю логику выбора.

Так, например, можно описать различные способы передвижения человека (ходьбу, бег и т.п.) безотносительно к выбору мотивации выбора того или иного способа.

В § 4 первой главы *«Теоретические основания описания способов адаптации мигрантов в условиях мегаполиса»* подводятся итоги рассмотрения теоретических подходов исследования мигрантов в контексте их социальной адаптации в принимающем обществе и формулируется авторский подход, в рамках которого возможно адекватное описание специфики способов адаптации мигрантов в условиях мегаполиса.

С социологической точки зрения миграции – относительно стабильный, развивающийся процесс, участники которого действуют шаблонизированные, воспроизводимые и транслируемые в рамках этого процесса стратегии деятельности. В этом отношении миграции логично будет рассматривать по модели некоей структурной единицы современных обществ, где формируются относительно стабильные инфраструктуры, обслуживающие реализацию ряда специфических биографических проектов как самих мигрантов, так и представителей принимающего сообщества. Этот подход является не альтернативным, а дополнительным к уже сложившимся в демографии, экономике, политологии и др. подходам, соответственно рассматривающим мигранта как субъекта определенной специализированной сферы деятельности – демографической, экономической и т.п.

Адекватное понимание путей и способов адаптации мигрантов к принимающей среде возможно в рамках концепции, учитывающей качественную специфику этого феномена: с одной стороны, ориентацию части мигрантов на признание приоритетности социальных и культурных ценностей принимающей среды по сравнению со средой исхода и, таким образом, стремление к интеграции (аккультурации) с принимающей средой. С другой стороны, – с диспозицией части мигрантов видеть принимающую среду как преимущественно экономический и технологический ресурс, подлежащий освоению при признании приоритетности собственных (исходных) социально-культурных стандартов (т.е. модель, близкая к той, которая в истории известна как колониальная стратегия освоения в основном природных ресурсов неевропейских территорий).

Таким образом, говоря об *адаптации* мигрантов, в отличие от *дискретных актов приспособления*, мы хотим подчеркнуть прежде всего гомеостатический и достаточно устойчивый характер процесса взаимодействия мигранта с новой средой в том смысле, что поведение живой системы адаптивно, «если она удерживает существенные переменные в

физиологических пределах¹⁷. С этой точки зрения становится очевидной внутренняя логика формирования и существования иммиграントских анклавов, как буферной среды обитания.

Изложенная выше аксиоматика процесса адаптации мигрантов в принимающем сообществе с учетом специфики мегаполиса позволяет теоретически обосновать два способа или сценария поведения мигрантов в принимающей среде: pragmatische приспособительный и адаптационный.

Приспособительный сценарий является первым по времени способом взаимодействия как отдельных переселенцев, так и групп с принимающей социальной средой. Важная для нас характеристика приспособительного сценария состоит в том, что в процессе приспособления не происходит каких-либо существенных изменений в образах поведения, ценностных ориентациях, культурных шаблонах, привычных для мигрантских групп, и в то же время этот процесс не предполагает относительно глубокого освоения культуры и особенностей принимающей стороны.

Адаптивный сценарий вступает в силу, если жизненные планы мигрантов идут дальше временного пребывания в принимающей среде, и если мигранты не меняют своих намерений в период приспособления к этой среде. В отличие от приспособительного, суть адаптивного сценария в том, что на этом этапе происходит изменение внутренних структур социальных, культурных и психологических характеристик индивидов и групп. Пределом этих изменений является, как мы уже указывали выше, сохранение существенных характеристик, непосредственно определяющих социально-культурную идентичность человека.

Эмпирически проверить и уточнить изложенную выше теоретическую модель можно, сопоставляя различия во внутренних диспозициях и восприятии принимающего общества у двух групп мигрантов – тех, кто ориентирован на постоянное жительство в новой среде, и тех, кто ориентирован на временный заработок. Описание программы такого исследования и анализ полученных данных составили содержание второй главы диссертационного исследования.

В Главе II «Эмпирическое исследование способов адаптации мигрантов в Москве» обосновывается инструментарий, описываются и анализируются данные эмпирического социологического исследования мигрантов-азербайджанцев в г. Москве.

В § 1 второй главы «Описание объекта исследования и методического инструментария» даны статистические характеристики этнической группы мигрантов-азербайджанцев Москвы, азербайджанской диаспоры Москвы, а также описываются блоки

¹⁷ Элби У. Р. Конструкция мозга. М., 1964. С. 101.

показателей социологической анкеты, сценарий и процедура социально-психологических экспериментов сконструированных на основе метода фокус-групп.

Для характеристики общей численности азербайджанцев в Москве, темпов их прироста в составе населения города, общих социально-демографических и поселенческих параметров использовались данные последних исследований московского населения и мигрантов Москвы, проведенные этиосоциологами и демографами (Ю.В. Арутюнян, О.И. Вендина, В.И. Мукомель, Л.В. Остапенко, И. Суббитина, Т. Н. Юдина).

Основой для построения опросного листа с целью исследования условий и факторов интеграции/анклавизации мигрантов в Москве послужила гипотеза о том, что восприятие принимающей социальной среды людьми одной и той же этнической группы будет различным в зависимости от ориентации на постоянное жительство в этой среде (т.е. принятие ее как среды обитания) или на временную (независимо от физической длительности) реализацию в этой среде своих экономических проектов, включая долгосрочное ведение бизнеса.

Для проверки гипотезы сопоставлялись ответы респондентов-азербайджанцев либо отчетливо ориентированных на постоянное жительство, либо на временную работу. Для контроля, чтобы отследить влияние особенностей принимающей среды на процесс интеграции/анклавизации мигрантов, сравнивались ответы респондентов-азербайджанцев, проживающих в разных типах сред – в областном центре (г.Самара) и в мегаполисе (г. Москва).

В § 2 второй главы «*Интеграционный потенциал принимающей среды*» на основе данных замеров общественного мнения по Москве дается общая характеристика состояния общественного сознания населения Москвы и особенно московской молодежи на предмет отношения к мигрантам разных этнических групп. В данном параграфе также дается характеристика информационной среды Москвы на двух уровнях – уровне этнических образов и образов мигрантов, распространяемых печатными и электронными СМИ, и уровне отражения этих образов в ментальной картине города, существующей у московской молодежи. Для получения информации по второму уровню автором спроектированы и проведены социально-психологические эксперименты по восприятию молодежью материалов СМИ.

По материалам анализа содержания СМИ и экспериментов были сделаны выводы о механизмах конструирования средствами массовой информации стереотипа «лица кавказской национальности», который обобщает все этнические группы Кавказа, смазывает границы между ними, причем связующим материалом служит преимущественно негативная оценка и подчеркивание «чужеродности», «приезжести» и агрессивности по

отношению к «нашой» культуре. Обращается внимание на то, что этот стереотип («чужие, приезжие, агрессивные по отношению к «нашой» среде») плавно и незаметно перетекает на народы российского Кавказа (чеченцев и дагестанцев, в наших примерах).

В § 3 второй главы *«Анклавизационный и интеграционный потенциал мигрантов и его реализация в принимающей среде»* на основе анализа данных социологического исследования реконструируются логика и направленность процессов анклавизации/интеграции мигрантов-азербайджанцев в Москве.

Для проверки основной гипотезы исследования мы сформировали из опрошенных нами в Москве 300 мигрантов-азербайджанцев две, примерно равные аналитические группы. К первой мы отнесли тех, кто выразил желание получить (или уже имел) российское гражданство и намеревался остаться в Москве навсегда, а ко второй – тех, кто собирался немного поработать здесь и уехать либо в Азербайджан, либо в другую страну. По ряду существенных параметров интеграционного потенциала, заложенных в инструментарии, между этими группами обнаружились неслучайные, статистически значимые различия, не всегда очевидные и ожидаемые.

При анализе рангового порядка идентичностей мигрантов предполагалось, что те из них, кто ориентировал на интеграцию с московским сообществом, будут с большей готовностью причислять себя к россиянам и москвичам, чем те, кто приехал в Москву ради заработка. Так оно и оказалось. Однако неожиданным было то, что мигранты, ориентированные на интеграцию, с большим энтузиазмом причисляют себя к «кавказцам», чем их соотечественники, временные трудовые мигранты, но с меньшей охотой к людям своей национальности. На наш взгляд, это связано с тем, что в московском смысловом пространстве есть внешне безэтничная реалия «москвич», латентно (как будет показано на основе результатов исследования) прочно связанная с этничностью «русский». В Москве, в то же время, нет устоявшейся во времени и общественном сознании реалии «москвич определенного этнического происхождения». Вместо этого в Москве четко обозначена такая, ставшая уже неотъемлемой частью московской социальной среды, реалия, как «лицо кавказской национальности». И эта реалия оказывается единственной нишой, куда может записать себя азербайджанец, если он хочет записать себя в москвичи, поскольку других адекватных его самосознанию реалий в московской повседневной жизни нет. Именно стремление «жить как все» заставляет азербайджанцев, ориентированных на интеграцию, считать себя «лицами кавказской национальности» в большей степени (24,8%), чем его соотечественников, не собирающихся интегрироваться (всего 9,8%) и «азербайджанцами» в меньшей степени, чем они (56,6 против 69,5%).

Другой ряд вопросов возник при анализе структуры идентичностей мигрантов, то есть системы связей между перечисленными выше самоопределениями.

Как оказалось, в сознании иммигрантов существует отчетливая связь понятий «россияне» и «москвичи». Однако, эта пара понятий структурно никак не связана с другими самоопределениями, в том числе и базовыми. Иначе говоря, причисление себя к москвичам и россиянам скорее стремление, чем реальность. В реальности нет условий для осуществления этого стремления: московская среда готова считать иммигрантов своими лишь условно – в качестве «лиц кавказской (или «казиатской», или «китайской») национальности». Причисление и самопрочисление к этим сконструированным принимающей средой категориям порождает специфические именно для иммигрантов круги повседневного общения в принимающей среде – земляки, люди одной национальности, единоверцы одинакового уровня дохода родом с Кавказа и Закавказья, или других территорий. Таким образом, типичная структура идентичностей и, следовательно, повседневных рутинных кругов общения человека регионально-культурного анклава в большом городе, вернее, *постоянного* жителя этого анклава: 1) значимая, но декларативная принадлежность к принимающему сообществу; 2) реальные круги общения, замкнутые на искусственно сконструированное принимающей средой, и в этом смысле *навязанное* иммигрантам регионально-культурное и/или конфессиональное сообщество. Парадоксальность этой ситуации состоит в том, что именно люди, искрение стремящиеся интегрироваться в принимающее сообщество, вытесняются этим сообществом на позиции, наименее способствующие такой интеграции.

Для тех, кто не собирается оставаться в Москве на жительство, характерна иная структура идентичностей. Эту конструкцию даже трудно назвать структурой; это, скорее, набор ситуативных самоопределений, никак не связанных ни между собой, ни с базовыми самоопределениями. Предположительно, носитель такой «структурой» вообще не ассоциирует себя со средой, в которой он сейчас живет, а, следовательно, с ее ценностями и нормами общежития. Не случайно, по нашим данным, этим людям в большей степени, чем ориентированным на интеграцию, свойственна склонность к нарушению социальных норм и правил.

Иммигранты, ориентированные на постоянное жительство, имеют очень высокий интеграционный потенциал, выраженный в хорошо согласованной системе представлений относительно особенностей принимающей среды и требований, которые она к ним предъявляет. По нашим данным, эта группа иммигрантов проявляет устойчивое стремление стать «коренными жителями» в новой среде, хотя бы во втором поколении, даже осознавая определенную несовместимость этого с тем, что «в семье, среди своих можно и нужно

соблюдать традиции и обычаи своего народа, независимо от того, где ты живешь». Стремление стать «коренными москвичами» тесно связано с пониманием того, что «в Москве надо стремиться жить как все». В свою очередь, это суждение тесно сцеплено в сознании иммигрантов с представлением о том, что безусловно «Москва – русский город, и жить здесь надо согласно русским обычаям и традициям».

Более того, именно *несогласие* с этими суждениями, характерное преимущественно для временных трудовых мигрантов, напрямую связано с комплексом суждений, оправдывающих необходимость изоляции от московской среды: «В образе жизни москвичей есть особенности, с которыми азербайджанцу трудно примириться», «В Москве можно работать и зарабатывать, но нормально жить здесь постоянно невозможно», «Москвичи никогда не будут считать азербайджанцев своими». Иначе говоря, отрицание русской основы Москвы и необходимости жить здесь как все, то есть по сути поликультурные установки в их бытовой интерпретации, ведут к признанию неприемлемых для азербайджанцев особенностей в образе жизни москвичей и бесперспективности когда-либо стать здесь своими.

В итоге, именно признание этнической и культурной определенности Москвы, видение ее не как размытого и многослойного мегаполиса, а как специфической, скорее (этно)культурной, нежели мало привычной на постсоветском пространстве, гражданской общности, запускает механизм интеграции у мигрантов. И наоборот, видение Москвы как неопределенной этнокультурной мозаики, как сугубо гражданского объединения автономных индивидов – запускает процесс анклавизации.

В этом смысле, видимо, можно говорить о внутреннем, составляющем специфику данного иммиграционного потока, факторе, влияющем на процесс интеграции/анклавизации. В самом деле, выходцы из традиционной, преимущественно сельской среды, привыкшие ориентироваться в своих суждениях и поступках на жесткую социальную структурированность и ценностно-нормативную целостность и определенность этой среды могут интегрироваться только в такую же структурированность и целостность, пусть даже отличающуюся по содержанию от привычной для них. Но если иммигранты видят социальную и культурную размытость, некую мозаику, вместо привычной целостности, то они в поисках необходимой устойчивой опоры стремятся воспроизвести в новой, неопределенной, с их точки зрения, среде привычные социально-культурные стандарты, т.е. оформиться в анклав. Последняя посылка хорошо согласуется с полученными нами в ходе предыдущих исследований восприятия московской среды мигрантами данными о том, что даже давно укоренившиеся москвичи азербайджанского происхождения видят проблемность московской среды в ее атомизации и неопределенности ценностно-нормативных стандартов.

В Заключении подводятся итоги исследования.

Полюсы шкалы адаптации мигрантов состоят в стремлении либо переменить «исходные» социально-культурные стандарты жизни (интеграция), либо расширить ресурсную базу реализации и воспроизведения собственных, «исходных», традиционных социально-культурных стандартов за счет использования экономического и технологического потенциала, накопленного в социально-культурной среде принимающей стороны (анклавизация).

Особенность *интеграционного* сценария адаптации состоит в том, что мигранты осознанно выбирают в качестве предпочтительных ценности и стандарты жизни мегаполиса и готовы соответствующим образом менять свои традиционные житейские навыки. *Анклавный* сценарий адаптации задействуется в том случае, когда для мигрантов базовой диспозицией, не подлежащей изменениям, является ориентация на ценности своей традиционной культуры. В этом случае принимающая среда рассматривается преимущественно как социально-экономический ресурс более комфортного существования в рамках своей культурной традиции.

В условиях мегаполиса высокий интеграционный потенциал, имеющийся у мигрантов, ориентированных на постоянное жительство, начинает активно реализовываться в том случае, если они воспринимают принимающую среду как отчетливую, вполне определенную, исторически сложившуюся социально-культурную целостность (на базе русской культуры – в случае Москвы). И наоборот, видение среды как размытой в ценностном и нормативном отношении, как неопределенной этнокультурной мозаики, как сугубо гражданского объединения автономных индивидов, – запускает процесс анклавизации, то есть процесс воспроизведения своей традиционной (зачастую сельской) жизненной среды внутри мегаполиса. В этом смысле, можно говорить о внешнем давлении среды (выражающемся в ее определенности, в том числе этнической, и целостности) как о позитивном факторе формирования гражданской идентичности у всех этнических групп москвичей, включая русских.

Имеющийся у временных трудовых мигрантов потенциал анклавизации провоцирует создание "буферной среды", воспроизводящей социальные системы самоорганизации традиционной для них культурной среды. Это наиболее характерно для тех этнических мигрантов, традиции, культура, сложившиеся нормы поведения которых существенно отличаются от бытующих у местного населения.

Всего автором опубликовано 29 научных работ общим объемом 41,2 п.л. Наиболее полно основные положения и результаты диссертационного исследования представлены в следующих работах:

1. Кузнецов И.М. Методологические проблемы этнопсихологического исследования// «Вопросы философии». 1985. №2. С.157-162. (0,8 п.л.)
2. Кузнецов И.М. Адаптивность этнических культур и этнокультурные типы самоопределения личности// «Советская этнография». 1988. № 1. С. 15-27. (1,5 п.л.)
3. Кузнецов И.М. Факторы адаптации мигрантов из Средней Азии в Нечерноземье// Новое в этнографии. Вып. 1. М. 1989. С. 60-64. (0,7 п.л)
4. Кузнецов И.М. Этнические особенности повседневной концепции успеха// Социология и общество. Тезисы докладов. СПб. 2000. С. 311. (0,1 п.л.)
5. Дробижева Л.М., Кузнецов И.М. Социальные параметры межэтнической стабильности и напряженности// «Мир России». 2000. № 4. С.149-169. (1,2 п.л.)
6. Кузнецов И.М., Мукомель В.И. Адаптационные возможности и сетевые связи мигрантских этнических меньшинств. М.: ИС РАН. 2005 (3,5 п.л.)
7. (Кузнецов И.М.) Глава 3 Исследование таджикской этнической группы и русскоязычных мигрантов из Таджикистана в Москве// «Состояние и тенденции межнациональных отношений и этнодемографического развития населения г. Москва. Социологический и социально-психологический аспекты» М. 2004. С. 112-123. (0,8 п.л.).
8. (Кузнецов И.М.) Раздел 3. Интеграционный потенциал мигрантов// «Нужны ли иммигранты российскому обществу?» М. ;Фонд «Либеральная миссия». 2006. С. 79-100 (1,3 п.л.).

Подписано в печать 13.09.2006 г.
Зак. 56. Тир.100 экз. Объем 1,4 п.л.
Москва, Нахимовский проспект, 32.

